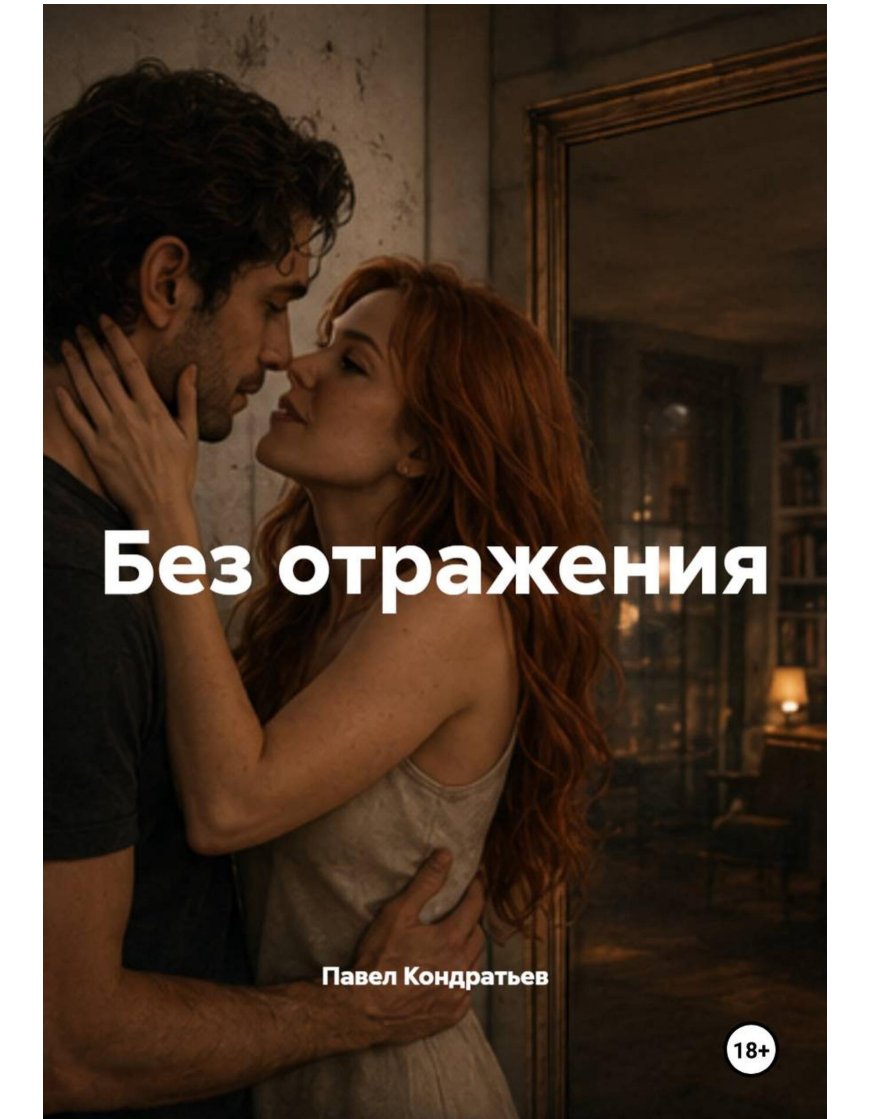


A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing. The man has dark, curly hair and a beard, while the woman has long, wavy red hair. They are in a room with a large, ornate mirror in the background, which reflects a dimly lit interior with a lamp and bookshelves. The overall mood is intimate and romantic.

Без отражения

Павел Кондратьев

18+

Павел Кондратьев

Без отражения

<https://litres.ru/73963951>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды утром арт-терапевт Эва Лир перестала существовать для зеркал. Пустота в отражении — её новое лицо. Таким же «невидимым» оказывается и фотограф Алексей, три года назад исчезнувший из объективов собственных камер.

Их встреча — не случайность, а магнит бури. Вдвоём они создают клуб потерянных отражений: место, где люди, которых мир отказался отражать, учатся видеть себя иначе. Но пустота не терпит покоя. Старые «я» начинают мстить, зеркала шептать, а время — распадаться на осколки.

Эве и Алексею предстоит сделать выбор: вернуть прежние отражения и стать «нормальными» — или разбить стекло и навсегда остаться собой. Настоящими. Даже если для этого придётся послать всю вселенную к чёрту.

Это история о том, как исчезнуть, чтобы найти себя. Как полюбить свою трещину. И как понять: иногда достаточно, чтобы тебя видел всего один человек (и один рыжий кот с характером).

«Мы не обязаны быть целыми для всего мира. Достаточно — друг для друга».

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Павел Кондратьев

Без отражения

Глава

«Иногда, чтобы найти себя, нужно сначала исчезнуть из зеркала»

Глава 1. Пустое место

Эва Лир всегда начинала утро с ритуала.

Тёплая вода из-под крана, ладони, прижатые к лицу, и взгляд в зеркало. Не просто «посмотреть», а именно встретиться с собой. Улыбнуться той рыжей растрёпанной женщине, которая смотрела на неё с той стороны стекла.

— Доброе утро, зараза, — обычно шептала она. — Сегодня мы хотя бы не будем врать себе.

Сегодня она ничего не сказала.

Потому что там, в зеркале, её не было.

Была ванная комната с тёплым светом старой лампы, была потрёпанная деревянная рама, которую она привезла ещё из Праги, были капли воды на стекле. А внутри — пустое место. Ровно там, где должно было быть её лицо.

Эва медленно выдохнула. Провела мокрой рукой по щеке, будто проверяя, на месте ли она сама. Кожа была тёплой. Реальной.

Она наклонилась ближе. Потом отступила. Сердце стучало тяжело, но без паники — какое-то глубокое, почти уважительное удивление.

— Ну привет, — тихо сказала она пустоте. — Это новенькое.

Она попробовала ещё раз. Повернулась боком. Подпрыгнула. Помахала рукой.

Ничего. Зеркало упорно показывало только интерьер.

Эва села прямо на холодный кафельный пол, обхватила колени и засмеялась — коротко, нервно, почти восхищённо.

— Вот это поворот, Эва. Вот это, блядь, поворот.

Она просидела так минут десять. Потом встала, заварила самый крепкий кофе, какой был в закромах, и села на подоконник. За окном Москва просыпалась: серое небо, первые машины, женщина с йоркширским терьером, который упёрся лапами и отказывался идти дальше.

«Интересно, — подумала Эва, — а она себя видит в зеркале? Или это только у меня такая квантовая херня?»

Она допила кофе, взяла телефон и открыла камеру фронтального объектива.

Чёрный экран. Потом — изображение.

И снова пустота.

Она нажала селфи. Звук затвора щёлкнул. На фото была только стена за её спиной и край подоконника.

— Офигеть, — сказала Эва вслух. — Я призрак с телом.

Она позвонила Лине. Подруга взяла трубку с четвёртого

гудка, хриплая и сонная.

— Эва, сейчас восемь утра, ты охренела?

— Лин, вопрос на миллион. Ты меня видишь?

— В каком смысле? По телефону — да. Ты голос. Что случилось?

— А в зеркале?

Длинная пауза.

— Ты меня пугаешь. Ты в порядке? Выпила что-то? Удалась головой?

— Лин, ответь честно: если мы встретимся, ты увидишь моё лицо?

— Конечно, увижу. Эва, ты несёшь какую-то дичь. Я перезвоню через час, когда проснусь.

Лина отключилась. Эва посмотрела на чёрный экран телефона. В отражении по-прежнему было пусто.

— Ладно, — сказала она себе. — Значит, для мира я ещё есть. Для зеркал — нет. Примем как факт.

Она оделась, вышла из дома и пошла в кофейню на углу. Продавщица Марина, которая знала её уже три года, улыбнулась и сказала:

— О, Эва! Новая причёска? Классно смотрится.

— Марин, — спросила Эва, беря латте, — у меня есть лицо?

Марина замерла с чашкой в руке.

— Эва, у тебя всё нормально? Выглядишь ты нормально. Немного бледная, но это ж октябрь.

— Отлично. Просто проверяла.

Она вышла на улицу и села на скамейку. Поднесла ладонь к глазам. Пальцы были здесь. Тёплые. Живые. Она понюхала кофе — пахло корицей.

«Ладно, — решила она. — Сегодня работаю из дома. Ни к чему пугать пациентов своим исчезнувшим отражением. Арт-терапевт, который не видит себя в зеркале, — это слишком метафорично даже для меня».

Глава 2. Человек, которого притянуло

К вечеру она уже знала, что проблема не только в её квартире.

Ни одно зеркало в городе не хотело её показывать. Витрины, окна машин, даже чёрный экран выключенного телефона — везде одно и то же. Пустое место в форме Эвы Лир.

Люди при этом видели её нормально. Продавщица в кофейне улыбнулась, когда она заказывала латте. Подруга Лина по видео позвонила и сказала, что у неё «новая причёска охуенная».

Значит, для мира она ещё существовала.

А для зеркал — нет.

Она провела эксперимент: покрасила губы ярко-красной помадой, подошла к витрине. Ничего. Пустота. Только красное пятно — но оно висело в воздухе само по себе.

— Технически, — пробормотала она, — это же означает, что свет сквозь меня проходит? Или отражается не так? Или я стала вампиром? Но вампиры вроде в зеркалах не отража-

ются, а я вроде не пила кровь. Хотя вчера был стейк с кровью...

Она заказала пиццу и съела её в одиночестве под сериал. В сериале героиня тоже потеряла отражение. Эва выключила на середине серии: слишком близко.

В два часа ночи она написала человеку, которого почти не знала.

Алексей Вран. Фотограф. Тот самый, что три дня назад на её выставке молча стоял в углу и смотрел так, будто пытался запомнить каждую её черточку.

Они обменялись тогда парой фраз. Она спросила: «Вы что-то ищете?» Он ответил: «Возможно, вас». Она приняла это за флирт, улыбнулась и ушла. Но почему-то сохранила его номер в телефоне.

Эва: Ты ещё в Москве? Нужно поговорить. Очень странная просьба.

Алексей: Кафе «Полночь». Маросейка. Через сорок минут.

Ни «как дела». Ни «привет». Ни «почему так поздно». Просто адрес и время.

Эва на секунду задумалась: не опасно ли идти ночью к почти незнакомому мужчине? Но внутри сидело какое-то странное, иррациональное спокойствие. «Если я не отражаюсь в зеркалах, — подумала она, — возможно, я теперь вообще вне физических законов. В том числе законов опасности».

Она оделась во всё чёрное — чисто для драматизма — и вышла.

Кафе «Полночь» оказалось крошечным заведением в подвале. Света было ровно столько, чтобы не врезаться в стулья. Пахло кофе, ванилью и чем-то старым, как бабушкин сундук.

Когда она вошла, Алексей уже сидел за дальним столиком. Свет падал сбоку, и Эва сразу заметила тонкие серебристые шрамы под его глазами — будто кто-то когда-то разбил зеркало прямо перед его лицом.

Он поднял взгляд. И не отвёл.

— У тебя тоже, — сказал он вместо «привет».

Голос низкий, чуть хриплый. Спокойный.

Эва села напротив. Руки дрожали, она спрятала их под стол.

— Что «тоже»?

Алексей достал телефон, включил камеру и повернул к ней экраном.

Пустой стул. Пустое место за ним.

— Три года, — сказал он тихо. — Я уже почти привык. А потом увидел тебя на вернисаже... и понял, что пустота наконец-то нашла себе пару.

Эва долго молчала. Потом протянула руку через стол и коснулась его пальцев — просто так, чтобы почувствовать живое тепло.

— Меня зовут Эва, — сказала она.

— Я знаю, — ответил он и слегка сжал её ладонь. — Алексей. И я, кажется, очень долго тебя ждал.

В этот момент что-то внутри неё — то самое треснувшее утром — вдруг перестало болеть.

Официантка принесла им чай, даже не спросив. Алексей, видимо, был здесь постоянным.

— Сколько ты уже здесь? — спросила Эва, не убирая руки.

— Три года, два месяца и одиннадцать дней. Считал вначале. Потом перестал.

— А шрамы?

Он машинально коснулся своего лица.

— Осколки. В тот день, когда я впервые понял, что исчез, я разбил все зеркала в квартире. Одним из осколков порезал лицо. Удивительно, что в крови я отражался. Кровь была настоящей.

Эва передёрнула плечами.

— Как ты выжил?

— Сначала никак. Уволился. Перестал выходить из дома. Думал, сойду с ума. Потом понял, что сумасшествие — это когда ты не видишь себя внутри, а не снаружи. Я начал фотографировать других. Много. В объективе они были — живые, яркие. А я был тем, кто за кадром. И в какой-то момент мне это даже понравилось.

— Быть за кадром?

— Быть невидимым для формальностей, но видимым для

СМЫСЛОВ.

Эва задумалась. Она никогда не думала об этом так.

— А я арт-терапевт, — сказала она. — Помогаю людям увидеть себя через краски, глину, слова. Ирония в том, что теперь сама себя не вижу... самым буквальным образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.